



ЗНАКОМЬТЕСЬ, МОЯ СЕМЬЯ

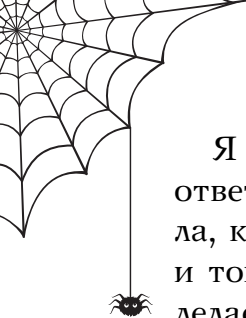
Моя мама ведьма. Я знаю, что это так, и моя младшая сестра Лоис тоже; впрочем, Лоис просто всё воспринимает как должное, потому что ей всего пять. Скажи ей, что мама работает на британскую разведку, так она только беспечно пожмёт плечами и попросит ещё одно печенье.

Откуда я знаю, что моя мама ведьма.

а) Она держит метлу у входной двери.

Я, помню, как-то спросила маму, умеет ли она летать на метле, а она рассмеялась и потрепала меня по голове со словами: «А ты как думаешь?»





Я ведь не спрашивала бы, если бы знала ответ на этот вопрос. Да, я никогда не видела, как она летает на метле. Но я не видела и того, как Эдит, моя двоюродная сестра, делает обратный кувырок, и всё же у неё есть значки за успехи в гимнастике. Так что, полагаю, всё может быть.

б) Иногда она колдует.

Она колдует в «папином кабинете» (в кладовке у гаража, где мама раньше хотела сделать туалет), и он злится, потому что ему вечно приходится за ней пылесосить, убирать мелкие блёстки и клочки бумаги. Я в точности не знаю, как работают её чары, но знаю, что это добрые чары и множество людей всё время просит маму помочь им, когда им грустно или они хотят найти нового парня. Мама часто заставляет нас ходить собирать всякие странные штуки, которые нужны ей для колдовства, — листья дуба, ягоды бузины и тому подобное.

в) С нами вроде как «живут» ещё четыре колдуна, которых мы с мамой и Лоис видим, а остальные, в том числе папа, — похоже, нет.

Сколько себя помню, к нам приходил, а потом уходил мистер Фоггerti. Это очень высокий мужчина неопрятного вида, на



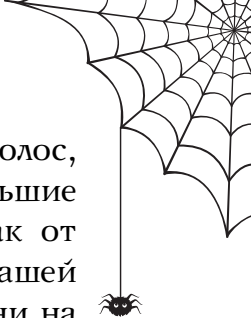
голове у него копна жёстких седых волос, которые вечно топорщатся. У него большие ступни и чудной запах, примерно как от кушетки в кабинете миссис Алвин (нашей директрисы). У него особо нет времени на детей, он всё время куда-то безумно спешит.

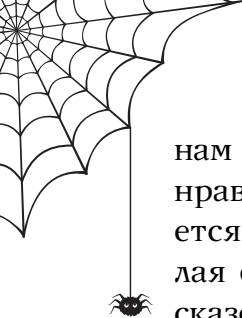
Я знаю, что он «живёт» у нас, потому что, если спросить маму, где мистер Фоггерти, она всегда отвечает: «Он в своей комнате». Но мы живём в скромном доме с тремя спальнями. Моя комната, комната Лоис, спальня родителей. Тут НЕТ других комнат, так где же он прячется?

Я знаю, что папа его не видит. Папа тщательно выбирает, кого пускать к нам домой, после того как мама приютила на одну ночь приятеля своей подруги, а тому стало плохо, и он уделал весь пол в ванной. Так что папа точно не стал бы молчать насчёт мистера Фоггерти. Ну, для начала он бы почуял его запах.

У нас есть негласное правило — никогда не говорить ни о ком из наших постояльцев, когда рядом папа. И довольно забавно, что они вроде как и не появляются, когда он дома.

Мистер Фоггерти у нас не один. Ещё есть Фрэнсис и Филлис, две пожилые тётушки: они вечно ходят вместе и подхватывают фразы друг за дружкой (на самом деле они





нам не тётки, но мы зовём их так). Фрэнсис нравится смотреть, как я танцую; она пытается повторять за мной, и её низенькая пухлая фигура колышется и переливается, как сказочный блестящий шар. Она настолько же приземистая и полная, насколько Филлис — высокая и тощая. Они будто из комического номера в передаче «Британия ищет таланты»; правда, я не уверена, что у них есть какие-либо таланты. Филлис нравится петь. У неё не очень хорошо получается. Её часто можно услышать ещё до того, как увидишь, и по этому пению всегда понятно, в каком она настроении. «Раз бананчик, два бананчик, три бананчик, вот!» — это хорошее настроение, но берегись, коли услышишь: «Сколько стоит та собачка на витрине?»

Потом ещё есть дядя Вик, маленький дородный человечек с косыми глазами, так что с ним никогда не ясно, куда он смотрит. Мне пришлось захлопнуть рукой рот Лоис, когда та впервые увидела его и заорала: «Рози, у этого дяди глаза неправильно вставлены!»

Вот такая четвёрка, которую мы просто воспринимаем как часть нашей «семьи». Их появления и исчезновения нас не очень занимают. Для нас это вполне нормально, ну или было нормально, ПОКА НЕ НАЧАЛОСЬ.



МАМА И ПАПА

Прежде чем перейти к тому, что именно началось, давайте я расскажу вам немного подробнее про свою жизнь.

Кроме того, что наша мама — «ведьма», она ещё и актриса — впрочем, чаще она сидит без работы. Папа подшучивает над этим и говорит, что ему хватало драм и у себя на работе (он был рабочим сцены в театре), ни к чему это ещё и маме. Я думаю, он говорит так, потому что пытается её подбодрить, когда она не может найти работу.

Маме довольно грустно из-за того, что она мало работает. Она говорит, что её талант пропадает зря, ей бы сниматься в Голливуде. В этом году у мамы было всего пара





предложений. Одно — нарядиться в костюме курицы и рекламировать новую линейку наггетсов «Острые&Пряные» для какого-то супермаркета, но на фабрике перепутали костюмы, и дело кончилось тем, что на маму надели голову попугая. В другой раз она должна была изображать Эльзу из «Холодного сердца» на детском празднике в игровом центре «Весёлые джунгли». Тут вышло не очень, потому что никто не предупредил маму, что ей придётся петь. Если я скажу, что Филлис справилась бы куда лучше, вам станет ясно, насколько скверно у мамы это получается. Не думаю, что это помогало ей почувствовать себя актрисой. Немного похоже на то, будто продаёшь кучу шоколада, а сам не можешь его даже попробовать.

У мамы вечно полно идей насчёт того, как получить побольше актёрской работы. Но в основном она строчит письмо за письмом известным режиссёрам.

Ни один не ответил.

До сих пор.

Мама не может понять отчего, ведь несколько лет назад на записи радиоспектакля она встретила одну актрису. Та дама была **ЗВЕЗДОЙ** в семидесятые и восьмидесятые, и она сказала маме, что ключ к успеху в этом «бизнесе» — мужские имена в качестве имени и фамилии.



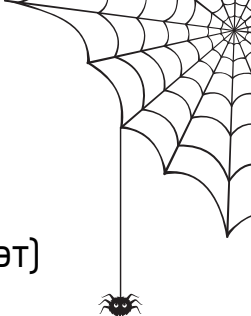
Знаменитости с такими именами:

Рэй Чарльз (певец)

Боб Дилан (певец, автор песен, поэт)

Терри Котт (актёр)

Джейми Ли Кертис (актриса)



Мама была весьма впечатлена этим советом. Полдела у неё уже было сделано, потому что её зовут Рэй, так что она придумала себе фамилию и сделалась Рэем Энтони.

Для меня это всё звучит чрезвычайно сомнительно, но, видимо, если ты актёр, то можешь называть себя КАК УГОДНО! Представляете? Но я всё равно не хочу быть актрисой. Что касается меня, то я думаю, что мама именно ПОЭТОМУ не получает много предложений: люди не знают, явится к ним мужчина или женщина. Я бы предпочла, чтобы маму знали под нашей общей фамилией, такой же, как у всех нас, — Рэй Пеллоу.

Папа тоже, кажется, не слишком доволен своей работой. Я вижу, что он то немного печален, то сварлив и угрюм. Он вечно жалуется, как ужасно ездить на работу на электричке и какой у него длинный список дел.

Я замечаю, когда папе грустно и когда он доволен. Когда он весел, то смеётся, и шутит, и смотрит во время разговора прямо на нас. Тогда у него бывает сине-зелёное свече-





ние, которое искрится и сверкает вокруг него. Когда он в печали, то всё его тело окружает серый туман, а сверху, над головой, висит крохотная тучка. Иногда я даже вижу дождь, льющийся из этой тучки, но забавно, что волосы у него ни разу не намокли. Его глаза кажутся потемневшими и усталыми, и он даже ноги переставляет медленнее. Он отмахивается от мамы, когда та пытается к нему прильнуть, и тогда лиловое свечение вокруг неё словно выцветает и съёживается.

Я всегда умела видеть цвет вокруг людей. Я думала, это всякий может, пока не спросила Лоис, какой цвет она видит у меня, а та поморщилась и ответила: «Если я скажу — розовый, то можно мне печенье?» Я даже никому и не рассказывала, хотя, думаю, мама смогла бы понять. Я боялась, что если скажу ей, то это может исчезнуть.

Иногда, если папе грустно, я нажимаю на наш магнит с шотландской волынкой, который висит на холодильнике. В нашем доме, когда кто-то нажимает на магнит с волынкой и тот начинает играть музыку, то что бы ты ни делал, ты должен прерваться, подняться и сплясать вместе со всеми шотландский танец на кухне.

Папа-то на самом деле не включается в это как следует, даже когда мы все — с мамой и Лоис — кричим: «Давай, папуля, посмотри на нас!»



Он отвечает лишь: «Это больше на ирландские танцы похоже».

«Давай, Джон, иди к нам, уговор есть уговор», — просит мама.

«Проклятая батарейка там ещё не села? — спрашивает папа. — Эта чёртова штука у нас уже три года».

Но она и не собирается садиться. Думаю, это магия.

Лоис не особо это замечает. Она всего лишь малышка, даром что нам приходится делать вид, будто она большая девочка, и подбадривать её, уверяя, что ладно-ладно, вовсе не она у нас самая младшая в семье, а Мэгги и Боб (им по четыре с половиной года).

На случай, если вам вдруг интересно, рассказываю: Мэгги и Боб — это наши кошки. Мама называет Боба своим подручным, у ведьм бывают такие помощники. Это вряд ли. Боб никогда никому ни в чём не помогал. По правде говоря, совсем наоборот. Он очень ленив, любит, чтобы его ПОСТОЯННО тискали, и довольно часто писает на пол. Он страдает эпилепсией, так что у него есть оправдание для такого поведения. Но попробуй вспомни об этом, когда по невнимательности наступишь на мокрое место. Господи, кошачья моча воняет будь здоров!

Лоис, может, знать не знает, что происходит, но я замечаю всё.

